

гвоздь которым прибито тело спасителя и бога нашего; тернового венца часть; часть столба, у которого творца нашего бичевали; ризы пресвятыя Богородицы; евангелие, написанное евангелистом Марком; камень тот, из которого в пустыне Моисей воду источил».

Но в отличие от древнерусских паломников путешественники петровского времени с увлечением рассказывают об экономике, культуре и искусстве, о музеях и технических новинках, о балах и маскарадах, о зоопарках и библиотеках, об уличных народных зрелищах. В дневниковых записях «Неизвестной особы» вслед за описанием святынь рассказывается уже другим стилем: «Из Венеции ездил в Муран морем с версту, где стекла зеркальные делают, посуды всякие, камень толкут и топят. В Венеции сенаторы и жены их ездят в гундолах, покрыту сукном черным, стекла хрустальные в окончинах, т. е. на лодках; гребут стоя нарядны гребцы в бархатных кафтанах; а у послов и посланников разных государств гундолы резные, вызолоченные на красно-бархатом, а гребцы в золотых кафтанах. В Венеции публичных блядок с 80 000 есть.

На площади же я видел, как хитро мужик делал: два гвоздя железные в нос забил и на тех гвоздях на веревке малого поднимал лет 18. Он же камень ел и воды выпил ушат большой. Еще привязав к волосам камня, пуд по 6-ти носил. И смотрел я в Венеции, как сенаторы играют мечом: нудут духом, гораздо бьют руками; а на руках у их, кто играет, в то время инструмент точеный, деревянной будто лукошко».

Пестрота содержания, языка и стиля путевых записок отражала неустоявшийся уклад новых отношений, когда старое и новое причудливо между собой переплеталось. В самом деле, в очерковых зарисовках «млеко пресвятыя Богородицы в склянице» и ее «власы русы» соседствуют с «публичными блядками», терновый венец Христа и Евангелие, написанное апостолом Марком, стоят рядом с уличными цирковыми представлениями, и писалось это без установок на какой-либо комический эффект. Показательно, что об исцелениях и чудесах, исходящих от святынь, автор уже совсем не упоминает.

Такое причудливое смешение и в предметах описания и в языке составляет известную литературную систему начала XVIII в. В этой системе старая форма вступала в противоречие с новым содержанием, что производило юмористическое впечатление позднее и не могло не вызвать улыбки у читателей XIX в. Недаром известный актер и писатель И. Горбунов включал в свой юмористический репертуар чтение отрывков из путевых записок о Западной Европе начала XVIII в.

Дореволюционные исследователи, отмечая в путевых записках петровского времени древние традиции, взятые в их самом общем виде, без прослеживания стилевых совпадений, не уделяли доста-